

Старейшему журналисту Москвы исполнилось 100 лет!

*Этому человеку только что исполнилось
100 лет!*

Он родился в столице Донбасса 13 ноября 1917 года – через неделю после Октябрьской революции. Окончил физический факультет Ленинградского университета. В годы войны служил в бомбардировочной авиации. Работал в Совинформбюро, поднявшись по служебной лестнице до зам. начальника. Два десятилетия возглавлял газету «Московские новости». Получил звание профессора и вплоть до недавнего времени читал курсы лекций в высших учебных заведениях. А еще – имеет право на получение титула барона...

**Будем знакомы:
старейшина московских журналистов
Яков Алексеевич Ломко**

Синоптик-газетчик-синоптик

- Как же вас – дипломированного физика, «забросило» в журналистику?*
- Писать мне всегда нравилось. До сих пор помню, как в 10*

классе, выбрав для сочинения тему про творчество Пушкина, завершил его «эпохальной» фразой: «Пушкин – цветущее дерево умирающей дворянской культуры». А «журналистского хлеба» впервые отведал осенью далекого 1933-го: к нам из Москвы приехал сотрудник «Комсомольской правды» Минкин, которому в редакции поручили проверить готовность школ к зиме. Этот корреспондент подключил к работе нескольких учеников – в том числе и меня, – предложив собрать материал для статьи. В итоге наш коллективный текст был опубликован в «Комсомолке».

По окончании института меня в 1940 году мобилизовали в армию. Служить направили в бомбардировочную авиацию – на 35-ю авиабазу Ленинградского Военного округа, где расквартированы были самолеты 1-го воздушного корпуса дальних бомбардировщиков; там и встретил начало войны... Узнав, что я защитил диплом по теме «Турбулентность в атмосфере», командование части определило столь ценного специалиста в синоптическую группу, присвоив звание сержанта. Предстояло готовить прогнозы погодных условий для планируемых ночных вылетов. Ситуация ведь какая? – Бомбить цели при плохой видимости нельзя: наверняка промахнешься. Но и возвращаться, не израсходовав груз в бомбовых отсеках, тоже нельзя: при посадке взорвешься на своих же бомбах. Вот мы, синоптики и должны были заранее «колдовать» над предсказанием погоды. Уже весной 1942-го я предложил ради более точного составления прогноза заранее совершать разведку погоды в зоне будущего бомбометания. Командование одобрило, и я стал регулярно вылетать за линию фронта. Впрочем, если ожесточенные бои разгорелись, разведку осуществлять не удавалось. Значит то, что творит «небесная канцелярия» к западу от передовой, нам не известно. А без такой информации составить метеопрогноз очень трудно. Поэтому бывали случаи, когда войска несли потери именно благодаря непредсказуемым капризам погоды.

Позднее наши самолеты перебросили под Сталинград, а зимой начались масштабные перемены: по распоряжению высшего командования из нескольких летных частей формировали

авиадивизию дальнего действия. Меня вдруг вызвал дивизионный комиссар Рушайло и предложил: пока идет переформирование и надобности в работе синоптиков нет, займись-ка ты нашей многотиражкой, подтяни до подходящего уровня! Присвоили звание младшего политрука, дали два «кубика» в петлицы и назначили заместителем редактора. Вот так я опять «ушел в журналисты».

Помню свою первую статью: писал о том, хорошо ли кормят летчиков в столовой? Стесняясь, я тогда подписался псевдонимом: «Я. Ал». Впрочем моя газетная эпопея продлилась менее полугодя. Я попал в госпиталь с приступом перитонита, пришлось делать операцию. А когда месяц спустя вернулся в строй оказалось, что по приказу «сверху» все дивизионные газеты ликвидированы. Меня вновь назначили «командовать погодой»: сделали начальником синоптической службы. В этой должности и пробыл до конца войны, дослужившись до звания капитана. А потом фортуна в очередной раз круто повернула руль: из Москвы пришла разрядка, отправить одного человека на учебу в Высшую дипломатическую школу МИД СССР, и командование дальней авиации выбрало меня.

– Так вы же в итоге должны были стать дипломатом, а не журналистом!..

– Видно, мне на роду написана была журналистская карьера. В подробной анкете, которую следовало заполнять при поступлении в ВДШ, я указал, что был редактором дивизионной газеты. Вот за этот факт и зацепились в Секретариате ЦК при распределении выпускников 2 года спустя. В итоге получил направление обозревателем в Совинформбюро. Еще через несколько лет предложили возглавить отдел стран народной демократии Восточной Европы. А спустя некоторое время стал

заместителем начальника Совинформбюро.

В этом качестве я проработал пять лет, а потом меня вдруг вызвали «наверх» и предложили новую должность: главного редактора «Московских новостей», выходящих для зарубежных читателей. При этом объяснили, что газету нужно спасти от гибели: популярность «МН» падала, тираж сокращался...

На новом месте мне пришлось предпринять энергичные меры по преобразованию редакционной работы. Изменили и саму газету. Во-первых, я добился, чтобы она стала еженедельником. А во-вторых, предложил делать так называемые сменные полосы. Ведь «МН» распространяется в разных странах и далеко не всегда ее читателям, скажем, в Америке интересно то же, что англичанам. Вот мы и стали часть полос готовить в нескольких вариантах: для США, для Индии, для Канады... Такой подход оказался очень эффективным. Впоследствии наш опыт переняли и некоторые другие периодические издания. Кроме того я решил избавиться от тяжелого груза – обязательных публикаций в нашей газете текстов речей советских лидеров, постановлений партийных форумов... Отныне все эти документы выпускались в виде отдельных приложений к основному номеру. Также мы расширили ассортимент языков, на которых выходили «Московские новости». В дополнение к англо- и франкоязычным добавился еще испанский вариант газеты. Начало такого издания мы приурочили в 1963 году к визиту кубинского лидера Фиделя Кастро. Он подарок оценил и сразу же заказал несколько тысяч экземпляров для Кубы. А после прихода к власти в Египте дружественного СССР президента Насера стали выпускать «МН» еще и на арабском.

Предпринятая «перестройка» «Московских новостей» не замедлила дать результаты: заметно выросло число читателей в Индии, в Англии, даже в США (хотя американцы быстро спохватились и сумели предпринять меры по сдерживанию такой «русской экспансии».)

– Цензура вас тогда сильно терзала?

– А ее – внешней цензуры, у «МН» не было: нам доверяли. Лишь изредка, в самых сложных случаях, мы посылали тексты планируемых к публикации статей для согласования в ЦК партии или в МИД. Но чаще всего дело обходилось нашей внутренней редакционной проверкой: мы хорошо понимали, что можно напечатать для зарубежного читателя, а что – нет.

Иногда действовали на опережение. Например, мне сообщили однажды, что во Франции собираются издать отдельным тиражом солженицынский «Один день Ивана Денисовича». Я подумал: А что, если эту повесть опубликовать в виде отдельного приложения к «Московским

новостям»? У меня имелась хорошая связь с помощником главного идеолога партии М. А. Суслова, – через него удалось быстро согласовать этот вопрос и получить «добро». Тут же подключил высококлассных переводчиков, и уже вскоре мы отпечатали тиражи «Одного дня...» на английском, испанском, ну и конечно же, французском языке. Эти брошюры-приложения пошли у зарубежных читателей нарасхват! – Ну а проект французских издателей, решивших подзаработать на производстве Солженицына, потерпел в результате фиаско.

Дальние дороги профессора

– *Вас называют специалистом по Польше...*

– Я освоил польский язык еще в армии, пока наша часть стояла на территории Польши. Первые мои обзоры для Совинформбюро касались польской тематики. Потом подготовил и защитил диссертацию, которая также была посвящена этой стране...

– *Тогда вопрос, весьма актуальный по нынешним временам: поляки, действительно, изменили в худшую сторону свое отношение к русским по сравнению с тем, что было в*

годы Великой Отечественной?

– Нет. Даже в ту военную и послевоенную пору они нас недолюбливали. И это мягко говоря! У нас в дивизии уже после победы убили врача, убили двоих молодых ребят из прибывшего пополнения, когда они пошли прогуляться по городу... Действовали, наверняка, члены антисоветски настроенной Армии Краёвой. Но и в целом население было настроено недружелюбно. Дело в том, что большинство поляков в душе не желало, чтобы их территорию очистила от гитлеровцев советская армия. Надеялись, что освобождение придет с Запада. Ведь антироссийские настроения существовали в тех местах с давних времен. Еще в средние века Польша хотела захватить лидерство в славянском мире, а в итоге проиграла это историческое состязание своему более могущественному восточному соседу и по сию пору никак не может с этим смириться. Так что не нужно увязывать нынешнее обострение наших отношений и многочисленные антироссийские демарши польских властей с обстоятельствами «текущего политического момента». Польские братья-славяне и прежде не питали к нам особых симпатий, просто вели себя более «гжечно» – вежливо: ведь СССР очень многое делал для роста экономического благосостояния Польши. Причем зачастую совершенно безвозмездно.

– Давайте вернемся к событиям вашей жизни. Почему вы, отработав 20 лет главредом «Московских новостей», ушли из газеты?

– Отнюдь не из-за каких-то «прегрешений». Скорее, наоборот. В 1980 году меня избрали 1-м заместителем руководителя Союза журналистов СССР. Должность эта – освобожденная, вот и перебрался я в другой «начальствующий кабинет». Очередной трудовой период продлился 3 года. Потом я еще 5 лет работал в газете «Социалистическая индустрия».

– Будучи на руководящих постах вы занимались лишь организационной и редакторской работой или все-таки и самому доводилось писать?

– В «Московских новостях» я довольно много писал. В том числе делал ежемесячные обзоры важнейших событий в стране.

– Из газетчиков вы все-таки ушли. – На преподавательскую работу. Эта метаморфоза далась трудно?

– Дело в том, что и в прежние годы доводилось стоять у доски перед аудиторией. Например, после окончания института мне поручили важное задание: читать лекции по физике на курсах усовершенствования командного состава Красной Армии. – Благо и материал я знал, и голосом хорошим обладал.

Много лет спустя, в «новейшей» своей истории, я читал курсы лекций по внешней политике и международной журналистике, журналистскому мастерству для студентов МГИМО, Высшей дипломатической школы, Университета дружбы народов... Имея звание профессора, был оппонентом при защитах диссертаций, – в том числе, например, научной работы, подготовленной сыном Юрия Андропова... Регулярную преподавательскую работу завершил лишь пару лет назад: здоровье все-таки не позволяет уже испытывать такие нагрузки. Однако и сейчас время от времени читаю студентам отдельные лекции.

– За свою очень долгую журналистскую жизнь – тем более, работая по международной тематике, – вы, наверное, много где побывали?

– Поездить, действительно пришлось. Случались командировки в самые разные страны – в Европу, Африку, США, Австралию и Новую Зеландию, в Японию... Работая в Союзе журналистов, побывал в Северной Корее: требовалось наладить связи с тамошними коллегами. Во время официальных поездок случалось знакомиться с весьма высокопоставленными персонами. Например, бывал на беседах у короля Непала, у лорда-канцлера Англии, завязал хорошие отношения с японским принцем...

Товарищ барон

– Судя по парадным фотографиям, у вас очень внушительный

«иконостас» – десятки орденов, медалей... Особенно привлекает внимание какая-то явно иностранная награда на шее: красивый орден с императорской короной.

– Это память о 1958-м. Тогда готовилась 1-я всемирная выставка в Брюсселе, и меня отправили участвовать в подготовке советского павильона. Получил даже «увесистый» «чин»: заместителя Генерального комиссара СССР по пропаганде. Пришлось проявить немало, – как теперь говорят – креатива, чтобы экспозиция нашего павильона выглядела привлекательно для зарубежных посетителей. Помню, в первоначальных планах организаторов предлагалось на входе разместить какой-то гигантский ротор от турбины. Но я предложил иную «изюминку»: «Мы же только недавно первыми в мире спутник запустили! Вот и давайте его макет здесь подвесим, да чтобы еще и свои знакомые уже всему миру сигналы «пи-пи-пи-пи!» подавал...» Кроме того заранее заказал отпечатать большие партии различных буклетов и альбомов – их грузовиками завозили! В итоге нашей напряженной работы павильон СССР стал одним из самых посещаемых на выставке. Публика валом валила. За такой успех я получил от бельгийцев орден Леопольда II. Это очень высокая награда. Как мне объяснили, она вроде бы даже дает право на получение титула барона, правда, при условии наличия поместий!..

– Наверняка многие из наших читателей хотели бы получить ответ на вопрос о секретах вашего долголетия...

– Боюсь, я их разочарую: никаких особых «рецептов» на сей счет у меня нет. Как видите, всю жизнь много работал. И работа всегда была мне интересна, – подходил к ней творчески. Я и сейчас стараюсь не «сидеть день-деньской на диване»: читаю время от времени лекции, руковожу Ассоциацией ветеранов Союза журналистов Москвы... Ну и, конечно, не обошлось без занятий спортом. Увлекался лыжами, коньками... Бывало, любили вместе с известным советским журналистом Спартаком Бегловым погонять на катке, который заливали зимой на Чистых прудах...

Хотя и судьба не раз демонстрировала свое благорасположение ко

мне. Особенно ярко это показали некоторые эпизоды из военных лет. Один из них относится к начальному периоду войны. По соседству с 35-й авиабазой, где я тогда служил, размещался штаб Северо-Западного фронта. Немцы пытались его разбомбить, но, промахиваясь, утюжили фугасами наши позиции. Однажды мы с ребятами перед обедом отправились купаться на реку, а тут – сильнейший авиационный налет! И сразу три бомбы угодило в столовую. Все, кто там в это время находились, погибли. Другой запомнившийся случай относится уже к 1944 году. Наша дивизия дислоцировалась тогда под Ленинградом. Во время очередного налета немецких «Юнкерсов» я находился в землянке, неподалеку от которой располагалась зенитная батарея. Немцы попытались ее накрыть, и «дорожка» их бомб чудесным образом миновала землянку: одна бомба упала перед входом, а следующая – уже за ней. Так что и в этот раз остался невредим. Получается, военная судьба меня берегла для чего-то! Вот я и стараюсь это ее благорасположение к себе «отрабатывать». До сих пор получается...

Александр Добровольский

13 ноября 2017 г.

